

Александр
Андреев

ФОТОГРАФИЯ

16+

Алексей Андреев

Фотография

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Андреев А.

Фотография / А. Андреев — «ЛитРес: Самиздат», 2013

"Повесть сосредоточена на вещах невеселых. После распутинского «Последнего срока» никто, быть может, у нас не концентрировался в такой степени на теме предстоящей смерти героини. Представлены умирающая мать и сын, глазами которого мы и оцениваем ситуацию. Убийственные перипетии, связанные с ущербностью нашей медицины. Сыновний долг, который не выплатить до конца; муки совести (такая редкость, кстати, в современной словесности). Гуманная, тонкая вещь". (Евгений Ермолин, ж-л «Знамя», 9, 2013 г.)

Полночи искал фотографию. Их было много: в альбомах, пакетах, среди бумаг, да толку-то – нужная не находилась. Помнил, что была, представлял ее отчетливо, не так давно вроде попадалась под руку, когда что-то разыскивал здесь – пусть и небольшая, черно-белая, зато четкая и лицо на ней, как живое. С тем самым чуть лукавым выражением, с которым любила, тихо усевшись в сторонке, наблюдать за суетной жизнью семьи. Тогда же решил отложить, чтобы не потерялась – и, кажется, отложил, но куда?! И когда это было – до или после переезда? Переезжали так лихорадочно, рассовывая все подряд, без разбора, по клеенчатым сумкам «друг челнока» и добытым у магазинов коробкам, что потом сами удивлялись, распаковывая, тем неожиданным наборам, что получились. Когда чистое вдруг оказалось с нестиранным, детское – со взрослым, под стопкой постельного затаился Машкин ботинок, к которому по другим тюкам долго и безуспешно искался второй. Когда уже плюнули и стали просто распаковываться – вдруг нашелся в коробке с посудой. Любопытные были сочетания, в самый раз для современных многозначительных инсталляций.

Жена пыталась помочь – тоже рылась, высказывала предположения: может, сюда отложил?.. или сюда? Сама же их проверяла – нет, пусто. Потом он отправил ее укладываться – завтра перед работой ей еще предстояло везти Машку к теще, ровно на другой конец Москвы, на Речной. Теща приехать к ним не могла – зимой из дома почти не выходила, боялась упасть. Два года назад это случилось с ее подругой – и все, встать на ноги та уже не смогла. Тещу это испугало сильно – провести остаток жизни в кровати, сгнивая от пролежней, мучаясь и мучая всех, она не хотела.

Перед тем, как лечь, жена тихо вошла, постояла рядом, нагнулась, потерялась щекой о его плечо.

– Ложись, тебе же тоже рано. Вечером вместе поищем.

– Нет, – помотал головой, – иди, я скоро...

Забрать на несколько дней внучку теща предложила сама. Сказала, чтобы пожалели ребенка, не надо ей еще этого, маленькая. Атмосферы этой, и вообще – детсад на карантине, кто сейчас с ней будет сидеть? Не таскать же ему завтра по всем *этим* местам ее с собой? И была, конечно, права.

Дочери они сегодня ничего не сказали – не до того было, да и не знали – как? – но она все равно что-то чувствовала – вся сжалась, нахохлилась, как больная птица, и про другую бабушку не спрашивала. Хотя раньше часто приставала: ну когда, когда вернется, она же обещала?.. И без всяких капризов отправилась спать – только свет попросила оставить, сказала: мне страшно.

Решили с дочерью без него – после звонка в больницу он на какое-то время выпал. Механически записал, что ему говорили – во сколько, куда, чего принести, – нажал отбой, беспомощно глянул на жену, которая, услышав его восклицание, прибежала из кухни и теперь стояла в дверях, прижав к груди мокрые руки, поднялся, отвернулся к окну – и как исчез. Вроде что-то отвечал, кивал, но был не здесь. Жена это поняла, замолчала, забрала трубку, заглянула в комнату к дочери, вывалила перед ней еще игрушек, чтобы пока занялась, и закрылась на кухне. А он... он, оглушенный, невидяще смотрел и смотрел на замутненный хлопьями снега проем, словно хотел там что-то разглядеть, да не мог – вдруг ослеп. В голове застряла и крутилась на разные лады только одна фраза, вызывая стылый, трясучий озноб: «в шесть утра... в шесть утра...»

В шесть он еще не спал. Сидел на кухне, дописывал статью... И ни-че-го не почувствовал! Вообще ничего!..

Спустя какое-то время в комнату вновь заглянула жена – постояла, вздохнула, забрала клочок газеты, на котором он все записал, вышла.

Кто-то звонил, кому-то звонила она – телефон приглушенно тренькал на кухне, голос не долетал. А может, и долетал – да он не слышал.

Потом как-то собрался – надо было все же узнать, что предстоит делать и сколько на это понадобится? Говорить ни с кем не хотелось – да просто не мог, так что полез в интернет. Последовательность действий выяснилась сразу, а вот цифры фигурировали настолько разные, что стало понятно – тощей заначки, что лежала на черный день в банке, точно не хватит. Да и банк работает ли – страна теперь праздновала каждые новогодние, как в последний раз – долго и отчаянно. От этого прошиб холодный пот – ведь сам же сколько раз ее убеждал не копить, не откладывать, как другие старики, ни на какие похороны, тратить все на себя, они же сгорают – инфляция! – уж как-нибудь, если вдруг, не приведи, конечно, Господь, справятся – и что ж, получается, врал?! Не справился?! вспомнил, как она отдала накопленные свои доллары, когда не хватило на ремонт, со словами: «Ну, если справишься, на вот, держи, и даже не думай отказываться – обижусь! Вам нужнее...»

«Господи, как стыдно-то!» – едва не застонал вслух.

Начал в панике прикидывать, у кого бы можно занять? И когда, как успеть? На все про все один день. Заезжать на работу, объяснять, выслушивать – нет! Да и там все такие же, все после праздников... У метро сиял вывеской ломбард, но не факт, что он завтра работает. Да и что туда можно отнести, не представлял, драгоценностей никаких особых в доме не было. Не мельхиоровые же вилки и ложки советской поры – кому они нынче нужны?

Вскочил, принялся осматривать комнату, полки с книгами – тоже мне ценность по нынешним временам, полез в секретер...

За этим его и застала жена.

Оказалось, она уже об этом подумала. Подсчитала, что есть – пока немного. Но сейчас еще дети привезут – на завтрашнее, вроде, должно хватить. Сын, кстати, сказал, что одного его не отпустит – поедет с ним. Везде, куда надо. А на послезавтрашнее она возьмет у мамы – та только что перезвонила – сначала, как узнала, говорить не могла, расплакалась, – и сказала, что у нее дома лежит пятнадцать тысяч, завтра их даст. Так что не надо ему на банк время тратить, главное – с остальным успеть.

А успеть было надо – сын и невестка через два дня улетали. В Канаду, работать по контракту. Должны были улететь раньше, неделю назад, но перед праздниками им позвонили и вылет перенесли – что-то там не сложилось...

Неуверенно тренькнул дверной звонок – быстро доехали. Тихо вошли, словно сомневаясь в своей уместности, начали медленно раздеваться, отряхиваться от снега, избегая смотреть на дверь ее комнаты. Дочь выскочила из своей, обрадовавшись брату, и тут же сникла от их лиц, дала матери увести себя на кухню.

Сын его обнял, замерли. Невестка, легко дотронувшись до его руки, тоже скользнула на кухню, чтобы не мешать. Оттуда донеслись приглушенные голоса – обе разговаривали с Машкой, отвлекали...

Потом сидели за столом – обедали. Натужно говорили о каких-то мелочах – лишь бы не об *этом*. Иногда пытались, реагируя на сказанные слова, друг другу улыбаться – получалось плохо. У него не получалось совсем. Обычно бубнящий жене телевизор теперь тарачился с холодильника мертвым экраном, как квадратная голова заснувшего с открытым глазом циклопа.

После обеда невестка взяла Машку на себя – увела в комнату, чем-то занялись. А они сели в большой комнате и какое-то время просто молчали, каждый думая о своем. А может, и об одном и том же... даже скорее всего.

– А завтра мы как – на машине? – наконец спросил сын.

– Не... – он хотел сказать «не знаю», но понял, что знает. – Нет, лучше так. Вдруг чего по пути случится – точно не успеем.

– Правильно, – с видимым облегчением поддержали его оба, а сын добавил: – Самоходом, оно всегда надежнее.

О том, что в таком состоянии за руль садиться не стоит, никто ему не сказал, но он и так их понял.

Дальше говорить об *этом* стало легче – начало положено. Договорились, где и во сколько завтра встретятся, выяснили адрес нужного загса, посмотрели, как туда добираться, прикинули весь маршрут, часы работы контор – вроде должно было получиться. Жена сказала сыну, чтобы оделся потеплей – он любил ходить быстро и нараспашку, в метро парился, куртку снимал, оставаясь в одной рубашке, а тут предстояло много ездить наземным транспортом и неизвестно, как долго его придется ждать. Особенно, когда поедут за город.

Специально уходили в частности, в конкретику – размывая главное на ряд отдельных деталей, последовательность мелких шагов, которые просто надо учесть и сделать.

Он держался, только заслышав в коридоре шум – вздрагивал и ловил себя на том, что хочется выглянуть – а вдруг она?!

И еще засела мысль: не могли перепутать? Может, это другая, с такой же фамилией? Звонил-то в общую регистратуру, не на этаж. Мало ли... Однако не перезванивал...

За окном быстро стемнело, снег идти перестал, дом напротив вплыл в окно яркими пятнами. Грохнули петарды, зашипел, возносясь, салют – последний день долгих праздников, народ догуливал.

Они зашевелились – последние минут десять сидели молча. Жена встала, зашторила окна, закрываясь от этой вымученной, притомившейся и все равно шумной гульбы, зажгла свет.

Молчать в темноте было удобно, на свету – уже нет. Вновь стали говорить, в который раз мусоля подробности, пока жена не вспомнила, что сегодняшней день ребята хотели посвятить каким-то предотъездным делам – к кому-то заехать, чего-то забрать. И вообще – попрощаться, уезжали-то надолго.

Сын отмахнулся – да ладно, ерунда это. Они стали настаивать – нечего здесь сидеть, пусть едут, другого времени не будет...

Жена пошла их проводить до метро, взяв с собой Машку – надо же хоть немного ребенка прогулять, весь день дома. Утром думала, что после обеда вместе пройдутся, и занялась готовкой, пока он спал – кто ж знал-то.

Перед выходом вопросительно глянула на него: «Ты как?» Он взглядом ответил: «Ничего».

Опять обнялись с сыном – теперь накоротко, а невестка, надевая шапку, тихо сказала, что, вроде бы, зеркала положено закрывать.

Он с недовольной гримасой пожал плечами – да какая разница, что это изменит?! Не понимал всех этих ритуалов, да и не знал. Невестка ступевалась, заторопилась, а он, устыдившись, – она-то чем виновата? – коснулся на прощание ее рукава: извинился...

Пока был один – собрался с духом и позвонил немногим маминым подругам. Жена еще днем отыскала их телефоны, выписала и оставила на столе. Коротко им сообщал, потом долго выслушивал. Они ахали, расспрашивали – как, когда, от чего? Приходилось отвечать, вдаваться в подробности. Приглашал на послезавтра – и с облегчением слышал отказы. Видеть на самом деле никого не хотелось – только семью, самых близких. Да и с ними было нелегко – надо что-то говорить, реагировать, не уходить в себя. А уж с посторонними... Он и не знал-то их толком – лишь по рассказам, фотографиям, да иногда слышал по телефону, когда брал первым трубку. А встретил бы – точно не узнал, самые свежие снимки были тридцатилетней давности.

Напоследок оставил звонок двоюродной сестре – единственной родственнице, что жила здесь, в Москве. С остальной родней мама поддерживала связь через нее – узнавала новости, передавала свои. Они часто перезванивались, порой встречались – не по родственному долгу

или приличию, а с удовольствием. Он даже иногда, когда мама опять начинала подробно и с живым участием рассказывать о Любиных новостях, слегка ревновал: чего ей, своей семье мало, чтобы так глубоко погружаться еще и в другую? Наверное, это был эгоизм единственного ребенка – мама должна принадлежать ему безраздельно. Хотя сам при этом вниманием ее не баловал – именно на это почему-то времени никогда не находилось. Конечно, все делал, выслушивал, откликался по первому зову, однако в дела свои не посвящал, заботами не делился, и как-то так выходило, что по душам она могла поговорить только с ней.

Именно Люба, а не он, нашла два года назад для мамы хорошего кардиолога. И именно она предупредила его об опасности долгого употребления одного из прописанных лекарств, дигоксина, советовала делать перерывы. Тогда он не обратил внимания на ее слова, подумал: «Перестраховывается, ведь помогает же», – и тут же забыл, теперь ему предстояло об этом вспомнить...

Машинально отключив трубку, он так и сжимал ее в руке, никуда не откладывая. Когда услышал лязг замка – вышел в коридор вместе с ней. И лишь потянувшись взять у дочери шубку – заметил. Неловко положил на стул, едва не уронив. Стал усаживать на нее дочь, чтобы снять валенки...

– Что-то еще? – насторожилась жена.

– Нет, нет, ничего.

После того как поужинали и уложили ребенка, вместе зашли в ее комнату – надо было все собрать. Глаза резанула ее любимая вязаная кофта, небрежно переброшенная через спинку стула – как оставленная всего на пару минут.

В шкафу сразу нашли нужное – отдельно на полке лежали документы, отдельно белье и одежда, белый платок – все было заботливо подготовлено, положено на самом виду, подписано – чтобы не искали, не нервничали.

Среди документов обнаружилась сберкнижка. Он открыл ее, посмотрел на записи – все-таки копила! Откладывала каждый месяц, зачем-то выписывая отложенное еще и на отдельный листок. Показал последнюю сумму жене – та удивленно покачала головой: ничего себе, и когда успела?! Стало ясно, почему так уклончиво откликалась на предложения оформить на него доверенность и упорно продолжала каждый месяц сама ходить за пенсией в банк. Хотя последние два года ей это было совсем тяжело – еле возвращалась. Он списывал это на ее упрямство и нежелание быть в тягость, сердился, настаивал, и только теперь понял – не хотела, чтобы увидел сберкнижку и узнал. Хотела сделать подарок – самый последний. Хотя подарок сейчас так жег руку, что он положил книжку обратно. А вот небольшие наличные из другого конверта забрал – завтра могли понадобиться. Правда, чувствовал себя при этом почти мародером. Или не почти?..

На этой же полке, завернутый в белую бумагу, лежал ее фотопортрет на керамике – и его припасла. Судя по всему, еще тогда, почти тридцать лет назад, когда похоронили отца – такой же керамический овал находился на его памятнике. Да и сам памятник – прямоугольная цементная плита с вмурованной в нее мраморной доской – был сразу сделан на двоих: надпись об отце шла по доске справа, а слева оставалось место для еще одной надписи, над ним – пустое углубление для портрета.

Предусмотрела все и все, что могла, подготовила. Пыталась подготовить и его – не один раз об *этом* как бы к слову заговаривала, а когда он сердито обрывал: «Перестань!» – с легкой улыбкой произносила: «Да куда же я денусь?..»

По комнате двигались осторожно, словно боялись кого-то побеспокоить. И говорили негромко, почти шепотом. Все собрав, быстро переместились к себе – там и складывали. Жена еще раз прошла по списку – ничего не забыли? Вроде нет...

Тут-то он и вспомнил про фотографию. Завтра она никак не могла понадобиться, лишь послезавтра, на поминках, но сидеть просто так было невыносимо – принялись искать. Сначала у себя в комнате, потом, проверив все возможные места, да и невозможные тоже – разве что книги не перетряхивали, на это бы точно ночь ушла, – перешли в коридор. Он осторожно, чтобы не шуметь, полез на антресоль – жена встала рядом и принимала. Чемодан, сумки, коробки, еще чемодан – чего там только не было... Не было как раз фотографии...

Оставалась ее комната. Хотя с чего бы фото могло там очутиться, если перекладывал его он? Это жена спросила. С большим сомнением. Имея в виду еще и другое: стоит ли ему опять туда заходить, может, на сегодня достаточно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.